

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

А. И. Тугутов

«МОНГОЛЫН НУУЦ ТОВЧОО» И РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ (К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Среди многих жанровых дефиниций, данных исследователями «Монголын нууц товчоо» (далее «МНТ»), есть и рубрикация его по жанру летописей. Показательно, что и перевод его на русский язык либо как «Сокровенное сказание монголов» или как «Тайная история монголов» зависит от жанрового прочтения.

В первом случае он трактуется как эпический памятник. Приведем в качестве примера одно из наиболее известных и часто цитируемых высказываний В.В. Бартольда: «он («Монголын нууц товчоо» - А.Т.) скорее всего может быть отнесен к героическому богатырскому эпосу»¹. Б.Я. Владимирцов удачно сформулировал представление об эпической природе памятника в своей работе 1922 г. «Чингис-хан», переведя на русский язык название «МНТ» в такой форме: «Сокровенное сказание о монгольском народе»². Русскоязычное название «Сокровенное сказание монголов» окончательно закрепилось после издания С.А. Козиным в 1941 г. книги «Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.»³

Другой перевод – «Тайная история монголов» - употребителен прежде всего в западной науке, а с конца XX века стал достаточно часто встречаться и в российском монголоведении. Он

¹ Бартольд В.В. Сочинения. Том V. М., Москва: 1968. С. 255.

² Б.Я. Владимирцов. Чингис-хан // Б.Я. Владимирцов. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., «Восточная литература» РАН, 2002. С. 144.

Впервые опубликовано: Чингис-хан. Берлин-Пг-М. Изд-во З.И. Гржебина, 1922.

³ Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un Niguiа товйиуа. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. М.-Л., 1941.

ближе к названию оригинала, хотя также не является идеальным: слово «*товчоо*» не адекватно понятию «*история*». Но, так или иначе, этот вариант выделяет в «Монголын нууц товчоо» черты историографического произведения.

Еще в позапрошлом веке, когда этот замечательный памятник монгольской словесности и историографии только открывался для русской и европейской науки, И.Н. Березин назвал его «монголо-китайской летописью»¹. Понятно, что определение «китайская» связано с тем, что «МНТ» сохранился в иероглифической транскрипции. Однако в наши дни общепризнанным является представление, что оригинал его был написан на монгольском языке. С точки зрения поэтики и историографических принципов в «МНТ» также не обнаруживаются следов китайского влияния. «МНТ» - оригинальное монгольское произведение, восходящее к традициям историографии и словесности монгольских народов или, говоря шире, кочевых народов Центральной Азии.

Кстати, можно заметить, что применительно к «МНТ» вопросы инокультурного влияния ставить вообще очень трудно, особенно в отношении общих проблем поэтики и историографических подходов, настолько он оригинален и стоит особняком среди средневековых памятников культуры не только народов Центральной Азии, но и в целом народов Европы и Азии. Но это не означает, что нельзя сопоставлять «МНТ» с литературно-историографическими произведениями других народов. Более того, мы предполагаем, что сравнительно-типологический подход окажется продуктивным и поможет глубже понять сам памятник и определенные закономерности развития жанров средневековой историографии.

В данной статье мы попытаемся сравнить «МНТ» с русскими летописями. Выбор последних объясняется многими причинами. В первую очередь их высоким авторитетом: русское летописание – одно из самых развитых, достаточно продолжительных по времени существования, имеет в своем золотом фонде много замечательных произведений и при этом хорошо изучено многими поколениями российских и зарубежных ученых.

¹ Березин И.Н. История монголов и история Чингис—хана. Персидский текст, русский перевод и примечания. – ТВОРАО. Т. 5, 1858. С. 1.

«МНТ» и русские летописи и, в целом, средневековая монгольская и русская историография могут показаться, на первый взгляд, достаточно непохожими, чтобы служить материалом для сопоставления. Однако сравнительное изучение не должно обязательно опираться только на близкие между собой феномены. Чтобы лучше понять то или иное явление, иногда полезнее сравнивать его с другим, достаточно отдаленным предметом. Тем более, что при ближайшем рассмотрении может выясниться, что есть факторы, сближающие их настолько, что сопоставительное рассмотрение оказывается вполне естественным, вызывая удивление, почему же такие исследования не проводились раньше. Именно так, на наш взгляд, и обстоит дело с «МНТ» и русскими летописями.

Исходя из того, что можно сопоставлять культурологические феномены географически отдаленных регионов и разнотипных цивилизаций, мы попытаемся найти первые подходы для анализа «Монголын нууц товчоо» и средневековых русских летописей как явлений культуры, имея в виду прежде всего их роль в ней, проблему зарождения и развития историзма, соотношения устной и письменной традиций и др.

Бросается в глаза, что избранные для рассмотрения тексты сопоставимы уже по времени создания: XI – XIII вв. – наиболее ранние русские летописи и 1240 г. – «МНТ». Например, русскую «Повесть временных лет», составленную около 1113 г., от «МНТ» разделяют приблизительно 127 лет. Некоторые летописи писались синхронно с «МНТ».

Важно, что «МНТ» и русские летописи являются письменными памятниками.

Сходными являются и мотивы их написания. Один из вариантов заглавия «Повести временных лет» звучал так: «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть» (в переводе на современный русский язык: «Вот повести минувших лет, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла русская земля»). Это название очень точно определяет пафос этого произведения, как и многих других русских летописей, стремившихся представить происхождение народа и государства, княжеской власти, отношений между князь-

ями, борьбу с иноземными врагами. Можно указывать на чувство патриотизма как один из ведущих психологических источников, питавших летописание Руси. Но, говоря шире, летописание было связано с пробудившимся этническим самосознанием русичей, превращавшихся из родственных и прежде чужих друг для друга племен в единый народ, строящий свою государственность. Летописи как раз и фиксировали этот процесс, обращаясь к прошлому и записывая факты настоящего. История становилась фактором этнического самосознания и самопознания и документальным подтверждением становления государственности, одним из атрибутов его и связанных с этим сложных духовных и культурных процессов. Не случайно, русские князья покровительствовали летописанию, летописи занимали видное место в национальной культуре, став, в частности, ведущим жанром в литературе и в историографии и включая в себя сведения из разных областей, от права до дипломатии. Главным, что выражали в себе летописи – это зарождение историзма в русском общественном сознании.

Сходные механизмы зарождения историзма в монгольской национальной культуре можно отметить на примере «МНТ». Повествование проникнуто ощущением величия излагаемых событий – создания шаг за шагом могущественного монгольского государства. По мысли авторов (автора) «МНТ», этот процесс начинается из глубины веков и реализуется через сложную цепь превратностей, случайностей и закономерностей. Хотя «МНТ» посвящено Чингисхану и генеалогии его рода и не без оснований воспринимается как памятник, возвеличивающий его жизнь и деятельность, однако, на наш взгляд, в системе ценностей автора (авторов) самым значимым является представление о ходе Истории, направляемом волей Вечного Синего Неба, а также усилиями людей и особенно таких выдающихся, как Чингисхан. История является одной из главных тем, главных героев произведения. Однако это не принижает человека, пусть ни один из персонажей, включая самого Чингисхана, не лишен тех или иных недостатков. «МНТ», безусловно, является антропоцентричным произведением.

Таким образом, в ходе истории нет разрыва между земным и вечным, между волей Вечного Неба с индивидуально-челове-

ческим и национальным интересами, приемлемыми в системе ценностей «МНТ». Наоборот, деятельность Чингисхана, согласно «МНТ» способствует гармонизации вечного и земного, поскольку он выполняет волю Вечного Синего Неба, и по этой же причине земная история наполнена глубоким смыслом. Другое дело, что этот процесс гармонизации необычайно сложен, драматичен и порой весьма трагичен.

В русских летописях, по наблюдениям Д.С. Лихачева: «Капризная прерывистость, неполнота деловых, реальных объяснений подчеркивает сознание того, что жизнь управляется более глубокими, потусторонними силами. Многое может представиться читателю летописи бессмысленным, суетным, «пустяковым». Это и есть цель летописца. Он показывает «суетность» истории»¹. Таковой она выглядит, потому что «Летописец стремится видеть события с высоты их «вечного», а не реального смысла. Часто отсутствие мотивировок, попыток установить причинно-следственную связь событий, отказ от реальных объяснений событий подчеркивают высшую предопределенность хода истории, ее «вечный» смысл... Поэтому-то в летописи нет и сюжетного изображения событий, нет интриги, нет в целом связного рассказа об истории. Есть только отдельные факты и отдельные рассказы об отдельных же событиях»².

Такие нюансы различия отношения к истории в «МНТ» и русских летописях предопределены с тем, что русское летописание, следуя византийским традициям, было прямо связано с православием³, часто творясь, как, например, «Повесть временных лет», в монастырях. Данное обстоятельство не отрицает наличия религиозного аспекта в «МНТ», но здесь он имел иное содержание, чем в русском летописании, и не был связан с церковью.

Ученые давно подметили, что для «МНТ» стержнем содержания является «образование единого государства и консолидация монгольской народности»⁴. Этой сверхзадачей опреде-

¹ Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. «Алетейя». Санкт-Петербург. 1997. С. 54.

² Лихачев Д.С. Историческая поэтика, с. 53-54.

³ О религиозном понимании истории русскими летописцами см. подробнее в: Лихачев Д.С. Историческая поэтика, с. 52-55.

⁴ Бира Ш. Монгольская историография (XIII-XVII вв.). М., 1978. С. 66.

ляется весь ход повествования, ее ответ лежит на множестве сюжетных и психологических деталей. И эта общая тема разделяется на сходные или близкие мотивы, как, в частности, о необходимости дружбы и единства в семье, выраженной в знаменитой сцене поучения матери Алан-гуа своих сыновей на примере хрупкости одинокой хворостины и крепости целого пучка ее¹. Этот образ силы единения распространяется затем на масштаб рода и племени, военно-политического союза племен и народов и в целом на монгольское государство.

В русских историографических произведениях, где летописцам часто приходилось приводить примеры пагубности междоусобной борьбы, мотив единения был также весьма распространенным. В «Повести временных лет» сочувственно излагается завещание умирающего Ярослава и его обращение к детям: «Аще будете в любви межю собою, бог будетъ в вас, и покорить вы противныя под вы ... аще ли будете ненавидно живуще, в распрях ...то погибнете сами и погубите землю отецъ своих и дед своих, юже налезоща трудомъ своимъ великымъ».

Однако мотив единения имеет свои различия в «МНТ» и ранних русских летописях. В «МНТ» политическая мысль доросла до идеи централизованной государственности: «Красной нитью через всю книгу проходит мысль об исторической обусловленности и правомерности объединения разрозненных монгольских владений в единое государство. Так, в начальной ее части отчетливо прослеживается тенденция связать единым родством все племена, населявшие территорию Монголии, несмотря на различия языковые, территориальные и даже этнические. Этой цели служит стремление исторически обосновать единую родословную линию всех племен, объединенных в государстве Чингис-хагана. Второй важнейшей особенностью «Нигуча Гобчи-ян» как историографического памятника является сравнительно зрелая феодальная идеология, выраженная в своеобразном теоретическом обосновании правомерности хаганского единодержавия, преданности подданных господам и нойонам, верности вассалов сеньорам»².

¹ Монголын нууц товчоо. Галиглаж хэвлүүлсэн Т. Дашцэдэн. Редактор Ц. Дамдинсүрэн, Н. Ишжамц. Улаанбаатар хот, 1985. §§19, 22

² Бира. Указ. соч. С. 66.

В ранних русских летописях еще не пропагандируется идея единой, централизованной государственности, хотя летописцы отдают отчет в пагубности княжеских междоусобиц. Князья часто воюют друг против друга, порой привлекая в союзники своих врагов, например, половцев, для походов на других русских князей, своих родичей и кровных братьев. Болеющие за единство Руси князья и летописцы, в лучшем случае, говорят и пишут о необходимости единения владетельных князей под верховенством князя киевского, но не о безусловности принципа политического единства русской земли. Идеология государственного устройства хорошо передается в словах князя Ярослава своим сыновьям, переданных в летописи: «Се же поручаю в себе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев; сего послушайте, якоже послушаете мене, да той вы будете в мене место. А Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смоленск». В завещание говорится о единении, фактически союзе княжеских земель, со старшим («в отца место»). Непрочное единение лежало не только в основе политического строительства Киевской Руси, но и фиксировалось, как непреложное устройство, историками-летописцами. Характерны слова, которые, по летописи, произнес Юрий Долгорукий: «Тако ли мне части нетоу в Роуской земли и моим детем!»¹ Претендующий на старейшинство князь в то же время убежден, что его дети, как и другие Рюриковичи, имеют право на свою часть в Русской земле.

Но и в «МНТ» идея централизованного государственного устройства под единой ханской властью не дается априори в качестве политического лозунга. Она выстрадана драматизмом многовековой монгольской истории и, в особенности, событиями недавнего для этого произведения периода – рубежа XII–XIII вв. Основной конфликт между Чингисханом и Джамухой, одним из центральных персонажей, а также борьба Чингисхана с другими своими многочисленными соперниками и внешними врагами как раз и показывают в подробностях трудное рождение и победу концепции верховной власти.

Процесс вызревания исторического сознания весьма длите-

¹ ПСРЛ (Полное собрание русских летописей), т. II. СПб., 1908, стб. 374.

лен. Он начинается в недрах доисторического сознания. Скажем, в монгольской устной историографической традиции используются мифологические мотивы. Хотя принято считать, что «мифологическое мышление принципиально не исторично»¹, мифологические элементы в монгольских генеалогиях не препятствуют хронологической и исторической трактовке последних. Понятно, что указанные мифологические элементы не несут на себе привычных для современной историографии индикаторов, таких, как хронология или документально подтвержденные сведения, но, тем не менее, их специфическая семантика может помочь историческому поиску. В качестве примера можно привести довольно убедительную версию исторической реконструкции легенды об Эргэнэ-Куне, носящей явный мифологический характер, проведенную в данном сборнике Б.З. Зориктуевым в статье «Об Эргунэ-кунском периоде монгольской истории»². Информационная продуктивность подобных сведений, окрашенных в черты мифологической сюжетности, исходит, на наш взгляд, из общей высокой исторической достоверности монгольских генеалогий.

Эта достоверность отмечалась еще в XIV в. персидским историком Рашид-ад-дином: «У все [этих племен] четкое и ясное родословное дерево [шаджарэ], ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют в [знании] родословия [насаб] каждого появившегося на свет ребенка. Таким образом они делают собственностью народа [миллат] слово [зикр] о нем, и по этой причине среди нет ни одного человека, который бы не знал своего племени [кабилэ] и происхождения. Ни у одного из других племен, исключая монголов, нет этого обычая, разве лишь у арабов, которые [тоже] хранят [в памяти] свое происхождение»³. Персидский историк широко использовал монгольские генеалогии в своем обширном труде. Тем более, они легли в основу исторических экскурсов в далекое прошлое в «МНТ».

Вообще надо отметить, что культура устной традиции неиз-

¹ Мелигинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. С.177.

² Зориктуев Б.Р. Об эргунэ-кунском периоде монгольской истории // Монголоведе-ние-3. Элиста. Издание КИГИ РАН. 2004.

³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Том I, книга вторая. Перевод с персидского О.И. Смирновой. Примечания Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой. Редакция проф. А.А. Семенова. М., -Л., 1952. С. 13.

бежно вырабатывала особые механизмы защиты и передачи исторической информации. Надежность таких механизмов являлась залогом сохранения из поколения в поколение этнической и культурной самоидентификации и сохранения самого этноса в целом и, в том числе, родо-племенных структур как элемента национальной системы кочевого общества. И прошедшая через тысячелетия практика ведения родовых историй составляла один из таких механизмов этнической и культурно-политической сохранности и развития в монгольском обществе до Чингисхана и после его эпохи, фактически продолжаясь до XX-XXI вв. в качестве жизненно важной и потому столь стойкой традиции. Эту практику можно обозначить в качестве обязательного атрибута кочевого общества, не случайно Рашид-ад-дин сближает здесь монголов и арабов, выделяя их из всех прочих народов.

Однако это не означает, что родовая историография отсутствовала у других этносов. В те или иные периоды она присутствовала, вероятно, у всех народов, но именно в условиях кочевого общества и в условиях устной культуры она приобретала такую развитую форму и столь важную функцию, подобную продолжительную и яркую жизнеспособность. Даже появление письменности не искореняла традиций устных родовых преданий.

Русское летописание вышло из нескольких традиций, среди которых наиболее влиятельной была византийская. По словам Д.С. Лихачева, византийский слой «Повести временных лет» — «это прежде всего тщательно, точно и художественно выполненные переводы отрывков из византийских исторических сочинений: хроник и житий святых в первую очередь. Эти отрывки свидетельствуют о сложных исторических идеях и о широком охвате мировой истории, ставшей через них доступной русскому читателю»¹.

Генеалогии и родословные истории, как и в «МНТ», также широко вошли в плоть первых русских летописей: «внимательный анализ киевского летописания XI – начала XII в. показывает, что многие записи сделаны в нем на основании устных рассказов двух лиц: Вышаты и его сына Яна Вышатича. О последнем летописец [Нестор – А.Т.] сам свидетельствует под 1106 г.: „от него же и аз многа словеса слышах еже и вписах в летописа-

¹ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. Л., «Наука», 1973. С. 18.

ньи семь, от него же слышах»¹. Более того, «Три поколения летописцев Киево-печерского монастыря были в дружественных отношениях с Вышатою и его сыном Яном на протяжении 1064—1106 гг.», рассказы которых, повидимому, «были связаны с преданиями их древнего рода, судьбу которого можно проследить в летописи на протяжении семи поколений»².

Все это очень напоминает методику работы с информантами Рашид-ад-дина при написании «Сборника летописей», также опиравшегося на сказания «умудренных опытом старцев»³. Большую помощь ему оказали эмир Пулад Чжэн-сян, который «заменял для Рашид-ад-дина письменные источники. По словам Шеме-ад-дина Кашани, оба они систематически, изо в день, занимались вместе, как учитель и ученик: «счастливый эмир рассказывал, ученый визирь записывал с его слов» [цитата из Блоше⁴ — А.Т.]. Много нужных сведений Рашид-ад-дин записал со слов самого Газан-хана, тоже считавшегося выдающимся знатоком монгольской старины, уступавшим лишь одному Пуладу Чжэн-сяну, а также со слов других монголов»⁵.

Авторы (автор) «МНТ», очевидно, также пользовались услугами устных информантов, хотя, в отличие от Рашид-ад-дина, еще и сами являлись непосредственными свидетелями и, возможно, участниками многих описываемых событий. Но сведения из далекого прошлого, без сомнения, черпались из генеалогий монгольских родов. По мнению российского исследователя монгольской историографии Л.С. Пучковского «Такие хроники и родословные, по всей вероятности, имелись в отдельных аристократических родах. Первоначально они существовали в виде устной традиции, а затем записывались и тем самым в дальнейшем стали письменными источниками»⁶.

Возвращаясь к русским летописям, надо упомянуть о пози-

¹ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Ленинград, Изд. Акад. наук СССР. 1947. С. 101-102.

² Лихачев. Указ. соч., с. 102.

³ Рашид-ад-дин. Указ. соч., том I, книга вторая. С. 8.

⁴ Blochet E. Introduction a l'histoire des Mongols de Raschid-ed-din. Leyden-London. 1910. С. 103.

⁵ И. П. Петрушевский. Рашид-ад-дин и его исторический труд // Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Том I, книга первая. М., -Л., 1952. С. 26.

⁶ Пучковский Л. С. Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв. // Ученые записки института востоковедения. Т. VI. 1953. С. 132.

ции Б.А. Рыбакова, который настаивает на том, что родословные сведения Вышаты и его сына Яна Вышатича до «Повести временных лет» уже излагались в письменных новгородских источниках¹. Общемировая практика древней историографии дает достаточное число примеров, что использование устных источников в письменной историографии, скорее правило, чем исключение. Горизонты письменной историографии неизбежно ограничены дописьменным периодом, сведения из которого можно черпать, главным образом, лишь через устную традицию. При этом бесспорно, что последняя имеет свои очевидные недостатки: относительность временных рамок и, прежде всего, отсутствие точной хронологии, размытость историко-географического контекста, отсутствие «научного» аппарата, наличие мифологических и легендарных элементов и в целом синкретический характер фольклорных исторических жанров и исходящая отсюда свойственная фольклорным жанрам художественно-стилевая и «мнемоническая» обработка фактов и др. Все это вызывает вполне оправданное недоверие науки к изустной историографии, но, тем не менее, последняя обладает ресурсами своеобразной информативности и достоверности. Можно продуктивно использовать их, особенно, при умелом, многостороннем сопоставлении и проверке устных исторических текстов другими данными, например, из области материальной культуры, из иноязычных источников, дополняя это филолого-семантическим и культурологическим толкованием с последующим строгим историческим анализом.

Одним из отличий исторического сознания от неисторического считается наличие или отсутствие хронологии. В первых частях «МНТ», где излагаются родословные истории, отсутствует временные координаты. Возможность для их реконструкции, как мы уже писали выше, существует, но, строго говоря, даже соглашаясь с примерным определением периода, века, полувека, всегда останутся сомнения в точности реконструированной хронологии, скажем, конкретного летоисчисления.

Но наука не обращалась бы к «МНТ» как надежному и достоверному источнику, не будь в нем текста иного типа, где есть

¹ Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси. Исследования, заметки. М., издательство МГУ. 1984. С. 69-70.

хронология и точные факты, легко перепроверяемые по другим источникам. Здесь речь идет об основной части «МНТ». С.А. Козин первый отметил, что основное повествование памятника «имеет тенденцию к погодной записи происшествий, иногда быть может и далеким задним числом включая их в искусственную хронологическую сетку, несмотря на то что эта последняя часть обнимает всего сорок лет жизни летописца и главнейших героев его повести— Чингиса и Чжамухи»¹.

Сопоставление первой, «родословной» части произведения с основным повествованием «дает возможность судить о том, какие значительные изменения претерпело устное историческое творчество монголов. Сказание о той или иной личности превращается здесь в реальную биографию, эпическое и легендарное отходит на задний план, уступая место более достоверным данным... Начиная с параграфа 141, [«МНТ»] приобретает определенно выраженный летописный характер. Появляются точные даты, согласованные с двенадцатилетним животным циклом»².

Принципы хронологии русское летописание восприняло у византийской историографии практически с самого начала своего зарождения. Летописцы придерживались погодных записей неукоснительно, вплоть до того, что иногда указывали, что в такой-то год ничего не произошло, как, например, в Ипатьевской летописи под 1216 г. написано: «Не бысть ничто же»³.

Д.С. Лихачев называл такую методику «протокольной»: «Летописец не столько рассказчик, сколько «протоколист». Он записывает и фиксирует»⁴. В результате «Летопись загромождена отдельными фактами. Композиция летописных статей настолько клочковата, отрывиста, что кажется хаотичной»⁵. Летописцев как бы особенно не волновали причинно-следственные связи между событиями. И. П. Еремин писал, что ввиду выпадения реального причинно-следственного контекста в летописях, история распадалась на ряд фактов, не связанных меж-

¹ Козин С.А. Сокровенное сказание. С. 35.

² Бира III. Указ. соч. С. 55.

³ ПСРЛ. Т. II. Спб., 1908, стб. 735—736.

⁴ Д.С. Лихачев. Историческая поэтика русской литературы. «Алтейя». Санкт-Петербург. 1997. С. 57.

⁵ Там же, с. 53.

ду собою видимыми связями, а разрозненные звенья приходилось связывать в одну цепь с помощью времени. Так сложились летописи как погодные записи¹. Если при такой методике страдало логическое единство, то зато, в определенной мере усиливалась точность и документальная достоверность сообщаемых сведений.

Для летописца даже записи других летописцев, его предшественников, ценны, прежде всего, документальностью. Вот почему он стремится сохранить их в существующей форме, а не пересказать их. Стремление сохранить все документы для истории способствовало развитию такой формы как летописные своды, когда в более поздние летописи переходили более ранние, часто целиком, без изменений или с той или иной степенью редактуры, связанной с политическими или иными причинами. Как правило, здесь не учитывались художественные соображения, например, принципы стилового или композиционного единства, иногда и смыслового согласования. В результате, в летописные своды попадали не только прежде самостоятельные произведения разного периода и различных жанров, от летописей и летописных сводов и их компиляций, фрагментов до дипломатических или правовых документов, но и противоречащие друг другу факты и толкования тех или иных исторических событий. Иначе говоря, своды имели достаточно свободную, рыхлую композицию, потенциально вмещавшую любой новый фрагмент. Нет ни одного исследователя, который отрицал бы, что все дошедшие до нашего времени русские летописи являются сводами, в состав которых входят более ранние летописные своды, а также произведения других жанров. Степень органичности их объединения была разной, но, как правило, оставалось ощущение автономности отдельных частей или произведений свода хотя бы по той причине, что они несли на себе функцию исторического свидетельства, являлись документами предшествующих эпох.

«Монголын нууц товчоо» тоже является сложносоставным произведением, включающим в себя генеалогии, исторические предания, летописные описания современных событий, некогда

¹ Еремин И. П. Литература Древней Руси, М.-Л., 1947. С. 72.

самостоятельные художественные произведения или их фрагменты: прежде всего фольклорные опусы - стихи, песни, легенды и т.д., а также документальный материал - билики, указы Чингисхана, посольские речи, «отчет» хана Угэдея и др.

Согласно подсчетов С. А. Козина, в «МНТ» включены 122 стихотворения. Среди них встречаются эпические отрывки (§ 139, 149, 170, 186—197, 199 и др.), посольские слова-письма (§ 105, 106, 108, 265, 266), похвалы (магалы) (§ 74, 75, 146, 208—214), поучения-сургаалы (§ 78, 126, 174, 276, 279), обрядовые (§ 96, 102, 164), сатирические (§ 111, 179, 265), свадебные (§ 64), присяжные, обетные речи (§ 123, 137, 147), элегии: предсмертное слово Джамухи, предсмертное слово Тулуя (§ 201, 272), сетование (§ 203), гимн гвардии (§ 230), увещательные слова цариц к царю (§ 245, 254), мелкие стихотворения—пословицы, поговорки, гномы¹. Соглашаясь с этим перечнем внутреннего состава «МНТ», Ш. Бира указывает, что «все эти литературные фрагменты при их обилии, разнообразии сюжетов, жанровых и других особенностей делают «Нигуча Тобчиян» интереснейшим литературным памятником»².

Кроме всего этого, есть еще авторские художественные тексты, в которых исторические события передаются в сюжетной, порой весьма драматической форме. К ним можно отнести все основное повествование о жизни и деятельности Чингисхана, его ближайших предков, его семьи, а также некоторых других основных персонажей, таких, как Джамуха и Ван-хан. Такого рода авторские тексты доминируют в рассматриваемом монгольском памятнике, подчиняя своей стилистике все, за редким исключением, остальное повествование.

Это не означает, конечно, что документальный или фольклорный материал подвергается специальной стилистической обработке. Вполне возможно, они чаще всего передавались в «аутентичной» форме, но все-таки, можно предположить, что фольклорные тексты включались не полностью, фрагментарно и даже с какой-то авторской трансформацией. Но это достаточно сложный вопрос, требующий специального рассмотрения.

Мы же имеем в виду, что все материалы включались автора-

¹ Козин С.А. Сокровенное сказание, с. 34—35.

² Бира Ш. Указ. соч., с. 50.

ми (автором) «Монголын нууц товчоо» осмысленно, с учетом общей задачи повествования, общего контекста. «МНТ» является целостным произведением со строгим отбором всех материалов. Если в русских летописях господствует хронологический принцип объединения разнородного материала, то в «МНТ» - сюжетно-смысловой, где историографическое содержание преломлено в повествовательные структуры и отобрано, исходя из целостной авторской концепции.

Здесь можно вновь вернуться к переводу названия «МНТ». Т.Д. Скрынникова предлагает переводить слово «*товчоо*» на русский язык как «*свод*» и, соответственно, «МНТ» как «Тайный свод монголов»¹. Аргументация, которую можно найти в ее статье, не лишена определенной логики. Однако мы видели, что русский летописный свод, как жанр, в массе своей все же ближе к сборнику произведений, чем к целостному авторскому творению, каковым является «МНТ». Определение *свод* больше подходит для памятников монгольской историографии ХУП вв. Здесь можно согласиться с переводом Т.Д. Скрынниковой: «Алтан тобчи» («Золотой свод»), «Эрдэнийн тобчи» («Драгоценный свод»)².

Повторяем, что одним из главных особенностей «МНТ» является то, что это – концептуальное, целостное авторское произведение, относящееся к весьма редкому, трудно классифицируемому оригинальному жанровому образованию. Сформированная целым рядом историко-культурных обстоятельств его единственность и неповторимость отчетливо видна, например, по сравнению с теми же монгольскими историографическими произведениями ХУП-ХУИИ вв., часть из которых, согласно летописной традиции, включают в себя фрагменты текста «МНТ» или некоего утерянного общего с ним общего источника.

«МНТ» был создан на волне духовного подъема, сопутствующего бурному процессу объединения этноса, способного решить, согласно «МНТ», величественную задачу «направить на путь истины всеязычное государство» и ввести его «под единые

¹ Скрынникова Т.Д. Идеи «Сокровенного сказания» о власти в летописях XVII в. / К 750-летию «Сокровенного сказания». М., Наука. 1993. С. 158-159.

² Скрынникова Т. Д. Указ. соч., с. 159.

бразды свои» (слова Чингисхана)¹. «МНТ» конгениален масштабу преобразований монгольского общества того времени, их размаху и мощной их энергетике. В очень короткие сроки кочевые племена, прежде то разрозненные, то объединявшиеся в непрочные федерации, вдруг образовали самую могущественную в мире империю.

Этим преобразованиям XII-XIII вв. сопутствовало столь же интенсивное развитие исторического и художественного сознания монголов. В рамках этого процесса вырабатывались достаточно сложные, глубокие исторические, политические, религиозные, этические, философские, художественно-эстетические представления, которые нашли свое отражение в «МНТ». Мы не знаем о всех мотивах его создания. Скорее всего, он был задуман как хроника, как документ времени. Но масштабность времени отразилась многофункциональностью произведения, многообразием решаемых задач, сложностью состава, богатством концепций, многоликостью отражаемого человеческого мира, откровениями в понимании человеческой души, удивительным многоголосием художественно-историографической полифонии. Все это в совокупности с незаурядным дарованием авторов (автора) и придают уникальность, высочайшие художественно-эстетические достоинства и информационно-содержательное богатство, все таинство и притягательность «Монголын нууц товчоо».

Еще один штрих соответствия «МНТ» величию и драматизму своего времени. Он остался самой высокой вершиной, одиноко возвышающейся в своем жанровом ряду. Национальная историография, в том числе в форме эпической хроники, пришла в упадок после падения монгольской империи, вследствие чего отрезок времени XV-XVI вв. иногда называется «темным периодом» в истории Монголии. Вероятнее всего, устные формы вновь возобладали над письменными и частные родовые предания не могли заместить общенациональную историографию. Вполне возможно, что какие-то образцы письменной историографии могли погибнуть в сумятице отступления из Китая, в огне последующих междоусобных войн и сражений. Традиция «МНТ» реанимировалась только в XVII-XVIII вв., но, по-

¹ Козин С.А. Сокровенное сказание, с. 34—35

жалуй, уже не дала памятника, равного по своим новаторским качествам «Монголын нууц товчоо».

Русская летописная традиция тоже знала периоды упадка, но она не прерывалась даже тогда, когда Русь находилась под властью Золотой Орды. Здесь свою положительную роль сыграли более устойчивые письменные традиции, появление областных сводов, существование монастырских центров летописания, а православная церковь, как и другие религии, находилась под особым покровительством и защите при монгольских ханах. Однако со временем летописание исчерпывало свои функциональные и жанровые возможности: «На смену летописи постепенно приходят произведения совершенно различных типов: с одной стороны, летопись превращается в реестр документов посольского приказа, с другой стороны, она приближается к историческим повестям...»¹. В XVII веке угасает государственное значение летописания, становясь частным делом отдельных авторов, преимущественно в некоторых локальных центрах.

Таким образом, мы видели, что средневековая монгольская и русская историография имели достаточно много проявлений типологического схождения, обусловленного общими законами развития исторического сознания. При этом обнаруживаются неизбежные различия, объясняемые национальной и регионально-цивилизационной спецификой. За рамками статьи осталось много интересных аспектов темы, к которым можно обратиться в последующих работах.

¹ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 362.